

Д. Н. Замятин

Замятин Дмитрий Николаевич (Москва, Россия) — доктор культурологии, кандидат географических наук, главный научный сотрудник Отдела фундаментальных исследований культуры Российского научно-исследовательский института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва; Email: metageogr@mail.ru

ПУТЕШЕСТВИЕ: ПРОСТРАНСТВО, ОБРАЗ, РЕАЛЬНОСТЬ

Пространство и движение. Введение в контекст

Пространство возникает из движения — воображаемого, мысленного, метафизического, физического. В сущности, помыслить движение уже может означаться как акт изначального онтологического порождения пространства. Однако значит ли это, что пространство немислимо без движения, или же просто не существует без него?

Пространство может воображаться как что-то, несомненно, причастное движению; тем не менее, оно может быть источником и образом покоя, неподвижности, всякой «недвижимости». Всякий раз, когда затевается какое-либо движение, оно исходит, как правило, из некоей точки, пункта, места, которые в данном случае есть эквивалент конкретно, здесь и сейчас, воображаемого и понимаемого пространства. Такова первичная мыслительная позиция, которая, несомненно, может и должна быть модифицирована, изменена, развита в зависимости от рассматриваемой ситуации, в любом новом контексте.

Если представлять процесс воображения и мышления как безусловное движение, то соответствующие пространства формируются как динамические онтологические модели. В известной степени, можно говорить об онтологическом двуединстве, «сугубости» пространства и движения. Выражаясь упрощённо, условием возможности помыслить пространство является необходимость начала какого-либо движения; наряду с этим, движение выступает как онтологическая «процедура» опространствления, специализации воображения и мышления.

Абстрагируясь от дальнейших метафизических спекуляций, попробуем представить первичную обобщённую модель движения, основанную на пространственном воображении. При этом можно ориентироваться на наиболее легко представляемое физическое движение. Цель создания подобной ментальной модели заключается в определённого рода экономии мышления, коль скоро эти две исследуемые фундаментальные категории мыслятся параллельно и взаимосвязано. Такую модель можно также назвать пространственно-динамическим образом-архетипом.

Начиная двигаться, что-то или кто-то (субъект/объект или некая субстанция) начинает задавать, определять, фиксировать самого себя своим собственным пространством, размещаясь в нём. По сути дела, именно процесс размещения, взятый, «схваченный» в его онтологической коннотации, и есть «сердцевина» пространственно-динамического образа-архетипа. Место, постоянно, тотально, непрерывно меняющееся, является естественным пространством «двигающегося». Пространственные координаты, трансформирующиеся в ходе этого процесса, могут восприниматься как непосредственное выражение, актуальная репрезентация самого движения.

Всякое место, понимаемое онтологически, есть уникальное событие. Процесс размещения означает в таком случае «событийствование» пространству; пространство «бытует» и «событийствует» конкретному движению. Если двигаются отдельный человек, группа или коллектив, то можно говорить о сознании, постоянно размещаемом последовательностями пространственных событий. Сознание, личностное или групповое, может рассматриваться тогда как модель или образ размещения определённых событий. Иначе говоря, движение отдельного человека или человеческого сообщества может пониматься как со-бытие пространству в его непосредственном размещении. Осознание пространства как разворачивания непосредственно данной событийности есть непрерывная, непрерывающаяся результирующая движения, своего рода «дифференциальное уравнение» пространства и движения.

Онтологическая истина любого пространства — уходить, протягиваться, расширяться от самого себя, вне самого себя, вдоль самого себя; онтологически пространство всегда покинуто и уже оставлено — хотя и в самом себе, но в самом себе уже прошлом, хотя бы и представленным, воображенным также пространственно. Отсюда проистекает феноменологическая возможность создавать, порождать образы мест прошлого, которые находятся, собственно, уже вовсе не там — те места, сами по себе, уже не существуют, но не в силу «неумолимости времени», а просто по причине естественного растекания, перемещения, трансформации самого образа места, воссоздаваемого творцом. Именно поэтому любой творец, художник, гений (в широком смысле) творит образы места, как бы находящиеся «в дороге»; образы места, чьи первоначальные и дорогие сердцу художника приметы могут бережно воспроизводиться в совсем иных пространственных реалиях условного настоящего; и сами по себе персональные образы места представляют нам гения путешествующего, экзистирующего и определяющего своё место в мире посредством образно-географического передвижения.

Путешествие как образ / географический образ

Путешествие — объект и предмет интереса философии и многих гуманитарных наук. Целенаправленные передвижения человека вызывают одновременно изменения и смещения его сознания, установок его поведения. В подобном смысле путешествие — ключевой объект для географии и туризма, психологии, антропологии, культурологии и кросс-культурных исследований, социологии, востоковедения, филологии, философии, истории. На чем основан такой интерес?

Путешествие — это динамика пути, путевой стиль и путевые состояния. Во время путешествия происходит расширение сознания, обострение всех чувств. Эмоциональная энергетика, на которой держится путешествие, как бы заводит все моторы возможного восприятия. В ходе путешествия человек видит и чувствует по-другому, он расширяет пространство.

Путешествие отличается особой интенсивностью движения. Окружающее путешественника пространство постоянно им фрагментируется и расщепляется. Пространство становится «пазловым». Но эти пространственные «пазлы» одновременно образуют вязкую среду, сквозь которую держится путь. Движение возможно с некоторым сопротивлением, уплотняющееся самим путешественником пространство как бы сопротивляется ему. Путешественник видит объёмные «кубы» пространства, которые он раздвигает своими собственными усилиями.

Путешествие способствует самоорганизации образов пространства. Движение путешественника происходит одновременно в реальном и образном пространствах. Чем интенсивнее

КАФЕДРА

его движение, тем более взаимосвязанными становятся эти пространства. Вершина, идеал путешествия — отождествление реального и образного пространства, рождение образа самого путешествия.

Путешествие порождает свой собственный образ. Концепт путешествия — один из классических географических образов. Но географический образ путешествия уникален — в отличие от других географических образов в него включены механизмы осознания, осмысления пространства; внутри него есть собственный «двигатель». Поэтому путешествие само по себе географический метаобраз.

Будучи принципиально важным для понимания особенностей и закономерностей моделирования географических образов вообще¹, он предполагает также исследование образно-географической специфики самих путешествий как таковых — иногда даже вне зависимости от первоначальной установки и цели путешествия (туризм, экскурсия, научная экспедиция, торговая поездка и т.д.). В этой связи уместно выделить три основных аспекта в системе «путешествие (концепт путешествия) — географический образ»: 1) специфика географических образов путешествий, 2) структуры географических образов путешествий и 3) трансграничные географические образы.

Специфика географических образов путешествий

Путешествие, как правило, может способствовать созданию целенаправленных географических образов, в структуре которых доля чисто прикладных элементов и связей (физико- и экономико-географическая информация, статистические сведения и т.д.) может быть в значительной степени уменьшена. В то же время роль и значение культурных, эмоциональных, психологических элементов и связей может быть резко увеличена, что часто ведет к большей «выпуклости», рельефности, более сложной морфологии самого образа местности, страны, региона, через которые пролегал путь. Подобная структура географического образа означает, что большинство путевых записок, описаний, дневников может быть оценено не с точки зрения достоверности сообщаемых там сведений и фактов (часто довольно низкой), но с точки зрения мощи и яркости самого продуцируемого по ходу путешествия географического образа².

Несомненно, эти образы обладают большой мощностью и скоростью развития. Для них характерна особая структурность, стратифицированность, в них видны, как геологические породы, четкие и ясные слои впечатлений и переживаний. Географические образы путешествий отличаются сравнительной компактностью, простотой и надежностью, они тесно связаны со стереотипами — упрощенными географическими представлениями, выверенными и уплощенными длительным временем. Если Россия, то — медведи, клюква, снег и сорок соколов. Если Франция, то — Париж, мода, Д'Артаньян и вино. Однако эти образы тесно связаны с реальностью и быстро реагируют на всякие изменения вовне. Здесь важно выявить, как связаны географические образы путешествий с самими образами территорий, через и/или посредством которых рождается путешествие.

Путевые записки являются, как правило, богатейшим источником для выявления или создания образа территории. Это связано со специфической установкой самого путешествен-

1 См.: Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. — Смоленск: Ойкумена, 1999.

2 См. в этой связи: Строев А. Россия глазами французов // Логос. 1999. # 8 (18). — С. 19.

ника. Установка на движение, на восприятие географического пространства в динамике; необходимость постоянного дистанцирования от сменяющих друг друга объектов восприятия ведут к формированию динамического образа территории со значительным визуальным компонентом. В путевом образе территории также велика роль «реактивных» элементов, когда тот или иной ландшафт вызывает у путешественника реакцию, связанную с его фундаментальными социокультурными представлениями. Классический пример — записки маркиза де Кюстина о России. Следовательно, путевой образ территории может быть максимально насыщен социокультурными реалиями эпохи; в то же время он может реминисцентно включать в себя образы других территорий (там, где родился, жил, бывал путешественник), зачастую сильно удаленных от района путешествия. По сути дела, это образ-«матрешка», аккумулирующий наиболее яркие компоненты сразу нескольких образов. Основная специфика географических образов путешествий — это их тесное взаимодействие с образами территорий, через которые пролегает маршрут путешествия.

Структуры географических образов путешествий

Путешествие само по себе может быть (и в большинстве случаев им и является) масштабным и тонко структурированным географическим образом. Тщательно продуманное, строго целенаправленное и затем осуществленное путешествие представляет собой сложную и разветвленную систему генетически родственных географических образов. В географических образах путешествий постоянно происходят смещения различных образных слоев по отношению друг к другу, вытеснение некоторых старых слоев и появление новых. Часть старых слоев как бы срезается новыми, а сами слои могут выстраиваться лесенкой, характеризую образное восхождение самого путешественника. Так формируется образный калейдоскоп, т.е. целые образные «карточные колоды», при этом ни одна карта-отдельный образ не является единственным истинным географическим образом путешествия, а первоначально созданный образ подвергается по ходу путешествия различным морфологическим и структурным трансформациям. Такой процесс похож на описанный Клодом Леви-Стросом в структурном анализе мифов «бриколаж» — ни одна версия определенного мифа не является истинной, лишь вместе они образуют полное образное поле мифа³.

Географические образы путешествий, сбрасывая и отбрасывая «отработанные» слои, становятся бесконечными. Сами слои отражаются друг в друге, постоянно налагаются друг на друга. В итоге эти образы предстают как ряд бесконечных, нацеленных друг на друга зеркал. Пространство в результате как бы уходит полностью в географию, полностью усваивается ею в качестве образов, «рассасывается» без остатка.

Образы страны и образы путешествия

В структуре географических образов определенного путешествия образ местности и/или страны может играть очень существенную, но зачастую не доминирующую роль. Здесь, на наш взгляд, возможны следующие варианты: 1) литературное путешествие (например, «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна, «Записки русского путешественника» следовавшего ему Николая Карамзина и вся обширная традиция путевых

3 См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1985.

КАФЕДРА

записок эпохи сентиментализма⁴), когда первоначальная психологическая и социокультурная установка оказывается настолько сильной, что как бы съедает реальное путешествие и замещает его цепочкой геокультурных образов, характеризующих местность через эмоциональное состояние героя/автора произведения. Сюда же можно отнести пограничный жанр — дневниковые записи, в которых конкретное место (город, страна) в ходе затянувшегося путешествия могут служить «театральной сценой» переживаний и интеллектуальных метаний их автора — например, «Московский дневник» Вальтера Беньямина⁵; 2) образ путешествия моделируется первоначально на метауровне, а определенные местность или страна выступают в этом случае как экспериментальное образно-географическое поле. В ходе путешествия (вымышленного или реального) нарабатываются его специфические образно-географические признаки («аксессуары»), а результирующий образ путешествия впитывает в себя, в одной из фундаментальных страт, родовые образно-географические признаки осмысленной территории. Так, литературно-географическое пространство, описываемое Андреем Платоновым в романе «Чевенгур», есть в известном смысле образно-географическое поле, служащее фундаментом формирования метаобраза культовых путешествий главных героев романа⁶.

В ряде случаев надо говорить о геобиографии конкретной личности, складывающейся и создающейся в процессе анализа ее дневникового и/или эпистолярного наследия. При этом путевые записи и письма могут стать источником очень мощного географического образа экзистенциального путешествия, то есть путешествия, рассматриваемого в контексте и реального географического передвижения (перемещения), и этапов жизненного пути.

Трансграничные географические образы

Географические образы путешествий создают, фактически, самостоятельный тип или класс географических образов, который можно назвать также «трансграничными географическими образами»⁷. Это географические образы, которые заранее моделируются на метауровне их восприятия и осмысления, а само путешествие мыслится как «безразмерный» и в то же время единственно возможный способ адекватного представления географических знаний и информации. Например, создание образа русской Италии связано с моделированием условного метапутешествия, состоящего из отдельных текстов и текстовых фрагментов литературного, эпистолярного, мемуарного, живописного, графического характера, связанных в единое целое на уровне анаморфированного геокультурного (образно-геокультурного) пространства «Рос-

4 См.: Маслов В.И. Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII и начала XIX вв. // Историко-литературный сборник, посвященный В.И. Срезневскому. — Л., 1924; Роботи Т. Литература «путешествий» // Русская проза. — Л., 1926; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. — Л.: Наука, 1987. С. 525–607; особенно с. 561–563, 573–574 и 577.

5 Беньямин В. Московский дневник. — М.: Ad Marginem, 1997; также: Замятин Д.Н. Феноменология... — С. 263.

6 См. в этой связи: Замятин Д.Н. Империя пространства. Географические образы в романе А. Платонова «Чевенгур»...; также: Замятина Н.Ю. Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур» // Полюса и центры роста в региональном развитии. — М.: ИГ РАН, 1998. — С. 190—194.

7 См.: Замятин Д.Н. Стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Вестник исторической географии № 2. — Москва—Смоленск: Ойкумена, 2001. С. 4–15; он же. Феноменология... — С. 264–265, 267–268.

сия — Италия»⁸. Технологии моделирования подобных трансграничных географических образов, по-видимому, являются одним из наиболее сложных вариантов концептуального образно-географического моделирования, однако целенаправленный перевод образа путешествия на метауровень позволяет максимально учесть естественную пространственную динамику самих географических образов.

Путешествие как стиль, как элемент образа жизни, конечно, сильно способствовало созданию ярких и богатых страновых образов, но оно же часто и закрепляло и развивало ведущие стереотипы в восприятии той или иной страны. Идеальное путешествие оперирует лишь несколькими «обкатанными» и достаточно надежными, заранее подготовленными географическими образами, дальнейшее — это уже личный стиль путешественника. Географический образ страны может «формоваться» из заведомых стереотипов и даже парагеографических элементов (например, путешествие в России первой половины XIX века — чаепитие, трактир, крепостной крестьянин), но его единство и действенность могут иметь именно иностранное происхождение.

Путешествия и литература

Посредством путешествия география как бы видит сама себя, описывает самое себя. Иначе говоря, это письмо в движении. Путешествия порождают особенно интересные географические образы — стран, городов, местностей — которые проникают в литературу, изменяя ее. В то же время литература создает самостоятельные жанры и каноны, в рамках которых осознаются географические образы путешествий.

Реальные местности и страны могут путаться и перемешиваться с вымышленными, а пространство и путь часто являются самостоятельными героями, определяющими сюжеты. Путешествие само по себе, как образ-архетип, оказалось полностью внутри литературы, стало основой почти всех возможных литературных жанров.

Так, например, мы видим два важных типа географических путешествий в русской литературе по их значению для самой литературы — это 1) сюжетный тип, меняющий структуру классических литературных форм, и 2) жанровый (или установочный) тип, меняющий мировоззренческую структуру самой литературы.

Впустив внутрь себя географические образы путешествий, русская литература не могла не измениться. После Хлебникова, Мандельштама, Платонова, географические образы стали естественным литературным средством и способом выражения своего отношения к миру. Путешествие одновременно стало удобным литературным приемом и очень мощной литературной метафорой. Книги Петра Вайля и Александра Гениса, Василия Аксенова, Андрея Битова и Виктора Пелевина подтверждают это. Реальные местности и страны могут путаться и перемешиваться с вымышленными, а пространство и путь часто являются самостоятельными героями, определяющими сюжеты. Путешествие само по себе, как образ-архетип, оказалось полностью внутри литературы, стало основой почти всех возможных литературных жанров.

Паломничество как тип путешествия

Суть и сам ход паломничества, его маршрут в рамках обычных и сакральных координат

⁸ См. например: Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме. М.: Издательство Независимая газета, 2001; он же. Знаменитые русские о Флоренции. — М.: Издательство Независимая газета, 2001.

КАФЕДРА

нат рассматривается в рамках имагинальной географии как необычное путешествие, как путешествие, выходящее за пределы обычного или преобладающего образа его понимания — как путешествие, меняющее, пересматривающее, трансформирующее по ходу сами образы пространства, в которых и которыми движется, перемещается паломник⁹. Иначе говоря, сакральное место, к которому путешествует паломник в обычных географических координатах, требует для его истинного/сакрального достижения/постижения построения по ходу паломничества соответствующего экзистенциального пространства, соответствующих сакрально-географических образов — без них простое физическое прибытие в определенную топографическую точку, символизирующую сакральное место, означает явную неудачу паломничества, его религиозную несостоятельность для неудавшегося паломника. Экзистенциальная энергетика определённого паломничества в имагинально-географическом дискурсе есть устойчивое порождение специфических географических образов, впитывающих и одновременно репрезентирующих базовые ценности и догматы данной религии.

Суть всякого экзистенциального пространства заключается в формировании взаимосвязанных образов, позволяющих создавать долговременные и устойчивые жизненные стратегии — личные или групповые. Наряду с этим, экзистенциальное пространство способствует расширению образных возможностей какой-либо личности, социокультурной группы или сообщества. В самом понятии и образе экзистенциального пространства заложен потенциал саморазвития¹⁰; в ходе такого саморазвития экзистенциальное пространство может структурироваться, самоорганизоваться с помощью своего рода «реперных точек» — образных локусов, часть которых, несомненно, может носить сакральный характер.

Географическое пространство по своему происхождению, очевидно, гетерогенно: понимаемое образно, оно содержит и поддерживает собственные экзистенциальные проекции — прежде всего, в форме сакральных мест, мест паломничества, различных локусов, обладающих той или иной аксиологической ценностью или же аксиологической оценкой. Исходя из этого, можно говорить об особом типе или классе географических образов — экзистенциально-географических. Под экзистенциально-географическими образами здесь понимается система взаимосвязанных знаков, символов, архетипов, стереотипов, характеризующих определённую территорию с точки зрения жизненных смыслов и жизненных стратегий, возможных для их репрезентаций, интерпретаций и практических реализаций.

В ходе любого паломничества происходит очевидное расширение уже существующих экзистенциальных пространств и формирование новых, иногда спонтанных и неожиданных экзистенциальных пространств, чьё возникновение не предполагалось при подготовке самого паломничества. Именно невозможность всеобъемлющего рационального планирования и прогнозирования возникновения экзистенциальных пространств в процессе паломничества позволяет говорить о некоей феноменальной справедливости чудес и чудесности отдельных сакральных мест и локусов, поскольку чудеса и чудесное онтологически воображаются как всегда неожиданное, не предполагаемое, изначально даже как невозможное. Исходя из этого, экзистенциально-географические образы паломничества, исследуемого с феноменологических позиций, включают в себя как неотъемлемую часть области неизведанного, неизвестного

9 См. также: Замятин Д.Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. — М.: Институт наследия, 2004. — С. 12–41.

10 Ср.: Бубнова А.Р. Самоорганизация традиционного этнокультурного ландшафта Среднего Поволжья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. — М.: Институт географии РАН, 2007.

пространства, постоянно отодвигающегося, передвигающегося по ходу путешествия в сферу подсознания или бессознательного¹¹.

С феноменологической точки зрения паломничество является одной из важнейших социокультурных пространственных трансакций: преодоление, прохождение определённого пространства, сакральный путь сам по себе, достижение желаемого сакрального локуса выступают, как правило, экзистенциальным, жизненно необходимым эквивалентом нерационализуемой, как бы не видимой и не осознаваемой прямо части душевных состояний и событий, которые подобным способом, с помощью осуществлённого в реальности паломничества, приобретают свой «законный», как бы официально признанный психологический и/или экзистенциальный статус. Здесь мы сталкиваемся со своего рода геономикой паломничества, когда различные чудеса, видения, случающиеся в ходе паломничества, а также сами описания сакральных мест, выполненные паломниками и заранее предполагающие экзистенциальные переживания, связанные с религиозными событиями и символами, способствуют созданию экзистенциально-географических образов-трансакций, подтверждающих и одновременно полагающих в некие феноменологически осмысляемые области будущего краеугольные и фактически «бесценные» (то есть не имеющие какой-либо традиционной, профанной аксиологической нагрузки) индивидуально-личностные смыслы, воображаемые в рамках религиозных переживаний как вечные. Визионерство и визионеры, часто присутствующие и участвующие в традиционных паломничествах, являют эти вечные смыслы в формах конкретной топологической сакральности, непосредственных сакральных событий, происходящих «здесь и сейчас» и тем самым прямо апеллирующих к экзистенциальным пространствам неизведанного и неизвестного — религиозные переживания визионеров-паломников представляют собой целенаправленные экзистенциально-пространственные трансакции, утверждающие и закрепляющие неявное до того единство традиционных и экзистенциальных характеристик проживаемого и переживаемого пространства.

Экзистенциально-географические образы, формирующиеся в ходе паломничества, структурируются, как правило, с помощью знаковых мест, частью которых могут быть уже хорошо известные традиционные сакральные локусы¹². Знаковыми местами другого типа являются локусы, чьё экзистенциальное значение не предполагалось при планировании маршрута паломничества. Эти локусы — назовём их пока мифическими — обнаруживаются паломником или паломническим сообществом как бы внезапно, иногда путём своего рода озарения, ментально-образной «вспышки», а иногда, возможно, с помощью ментально-логических конструкций и реконструкций, призванных как бы насытить, уплотнить, уменьшить сакрально-мифологическую «пустоту» пространственных промежутков между традиционными и хорошо воспроизводимыми в коллективной культурной памяти сакральными локусами.

Здесь стоит обратить внимание на то, что понятие и образ паломничества в рамках геономического/образно-географического подхода могут интерпретироваться гораздо шире, нежели в традиционных исследовательских (исторических, философских, психологических, теологических) подходах. Так, с нашей точки зрения, паломничеством может считаться не только

11 См.: напр.: Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. — М., Ньютонвилль: Археографический Центр, 1993; также о т.н. «хазарской границе»: Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. — СПб.: Алетейя, 2003. — С. 268–270.

12 См.: Теребихин Н.М. Указ. соч.; Бубнова А.Р. Указ. соч.; Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. — М.: Институт наследия, 2005. — С. 276–323.

КАФЕДРА

путешествие, связанное с теми или иными религиозными установками, целями и практиками, но и любое путешествие, ориентированное экзистенциально-географически, на достижение не только уже известных сакральных локусов — причём локусов не обязательно религиозного происхождения; это могут быть места рождения и жизни каких-либо выдающихся личностей, места важнейших исторических событий или загадочных явлений, условные пространства действия тех или иных литературных произведений, и т.д.¹³. Следует отметить, что в нашем толковании образ паломничества изначально, генетически опирается на безусловную ментальную возможность путешественника/путешествующего/паломника расширять первоначально предполагавшееся экзистенциальное пространство паломничества за счёт конструирования новых знаковых мест; иначе говоря, паломничество — это путешествие, самовоспроизводящее сакральные и мифические пространства, места и ландшафты; путешествие, как бы обеспечивающее само по себе возможности новых, ранее неизвестных и неведомых паломнику путешествий; своего рода — метапутешествие, в котором традиционное географическое пространство уже заранее ставится в контекст экзистенциальных пространств и экзистенциально-географических образов.

Как же происходит сотворение, формирование, создание новых сакральных локусов и конструирование, ментальное построение всё новых и новых экзистенциально-географических образов, постоянно меняющихся и перестраивающих образно-географическую карту в ходе паломничества? По всей видимости, один из главных когнитивных ресурсов конструирования новых экзистенциально-географических образов — это наложение важнейших топосов внутренних, ментальных пространств¹⁴ паломников на конкретный географический маршрут самого паломничества. Нельзя сказать, что подобные процессы происходят как бы по наитию, абсолютно интуитивно, исключительно благодаря душевным/духовным индивидуальным и групповым озарениям и видениям или, наоборот, чисто автоматически, исходя из неких чётких логических критериев (например, условное внешнее ландшафтно-географическое сходство внутреннего мнемотопа паломника/группы паломников с реальным, действительным местом, которое он проходит).

Можно предполагать, что определённый промежуточный метальный продукт, своего рода образно-географическая «куколка», из которой немного позднее получается экзистенциально-географический «образ-бабочка» — это локальный миф, локальная «обосновывающая история», позволяющая по-настоящему понять, почему паломник оказался именно в этом месте, и что ему здесь нужно¹⁵. Локальные мифы как бы поддерживают общее сакрально-

13 См.: напр.: Замятин Д.Н. Первый проект «Путевого журнала» (июль 2000) // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. — М.: Институт наследия, 2004. — С. 419–423; Он же. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. — М.: Аграф, 2004. — С. 222–236, 288–313. Ср. также классические варианты духовного паломничества европейского интеллектуала/художника/писателя на Восток или в регион, обладающий восточными «маркерами» — например, Андрея Белого в Северную Африку или Германа Гессе.

14 Ср. трактовку понятия ментального пространства в духе глубинной психологии К. Юнга: Резник С. Ментальное пространство. — Киев: УАП-МИГП, 2004.

15 См. также: Митин И.И. На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. 2004. №3. — С. 140–161; Он же. Пространство и мифогеография // Пространство и время: физическое, психологическое, мифологическое. — М.: Новый Акрополь, 2005. — С. 119–128. Он же. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география. Вып. 3. — М.: Институт Наследия, 2006. — С. 64–82.

географическое пространство паломника и паломничества, они — «несущие конструкции» в постоянно меняющемся облике строящегося и перестраивающегося на ходу «здания» — системы экзистенциально-географических образов, две основные психологические функции которых состоят в поддержании душевного/духовного равновесия паломника в ходе достижения святыни и «вписывании» заранее ожидаемых сакральных переживаний по достижению сакральной цели в уже готовые ментальные «ячейки», фреймы расширенного экзистенциально-географического пространства. Закономерности и особенности формирования локальных мифов, в том числе в процессе паломничества, требуют отдельного подробного исследования, однако в плане феноменологической аксиоматики совершенно ясно, что сакральные когнитивно-географические контексты¹⁶ паломничества как бы диктуют выстраивание творимых паломником локальных мифов в единую нарративную «цепочку», в которой типологически (в содержательном и сюжетном отношениях) мифы вряд ли будут сильно отличаться друг от друга, а, с другой стороны, каждый последующий локальный миф может быть как бы усиленной версией предыдущего мифа, интенсифицируя тем самым творимое экзистенциально-географическое пространство и, в то же время, нагнетая своего рода сакральный «саспенс» в преддверии главного чуда, чаемой паломником святыни.

Понятно, что практически всякий локальный миф в разворачивании своего сюжета опирается на конкретные топонимы и географические реалии, могущие в то же время быть вполне «туманными» и «мало реальными»¹⁷. Тем не менее, такая топонимическая установка в мифологическом действии и действовании является очень важной, поскольку именно она, в конце концов, обеспечивает нахождение некоего вполне реального места, территории, «ответственной» за поддержание данного мифа (см. подробную библиографию вопроса Замятин, 2009)¹⁸. Но что происходит дальше? Пытаясь обойти чисто социологические объяснения, попробуем проследить условный онтологический «механизм» глубинной локализации мифа.

Территории, места не существует без поддерживающего и «объясняющего» его существования мифа или совокупности, системы мифов. Иначе говоря, именно географическое воображение, взятое в его феноменологически-нарративном контексте, обеспечивает в итоге

16 См.: Замятина Н.Ю. Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур» // Полюса и центры роста в региональном развитии. — М.: ИГ РАН, 1998. — С. 190–194; Она же. Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. №5. С. 32–37.

17 Ср.: Bishop P. Residence on Earth: anima mundi and a sense of geographical 'belonging' // *Ecumene. A journal of environment, culture, meaning*. 1994. Vol. 1. # 1. P. 51–65.

18 Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской картине мира. Исследования по структуре текста. — М.: Изд-во «Индрик», 1999; Она же. «Рассказали страшное, дали точный адрес...» (к мифологической топографии Москвы) // Лотмановский сборник. Т. 2 / Сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, изд-во «ИЦ-Гарант», 1997. — С. 599–615; Она же. Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. — М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001; Русская провинция: миф—текст—реальность / Сост. А.Ф. Белоусов и Т.В. Цивьян. — М., СПб.: Лань, 2000; Петровский М. Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Изд. 2-е, расшир. и доп. — М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008; Подюков И.А. Современное городское топонимическое творчество // Современный городской фольклор. — М.: Изд-во РГГУ, 2003. — С. 460–477; Клубков П.А., Лурье В.Ф. Разговорные топонимы как явление фольклора // Там же. С. 450–460; Дубровина С.Ю. Микротопонимика Тамбова // Там же. С. 477–487 и др. Крайне важен в данном контексте опыт таких русских писателей, как Александр Чаянов и Михаил Булгаков (Булгаков многим в образном локально-мифологическом отношении обязан именно Чаянову, который, пожалуй, первым сумел в своих московских повестях художественно выразить «дух места» с помощью стилизованных «под XVIII век» страшных историй).

КАФЕДРА

реальную географию и топографию региона¹⁹. Можно при этом довольствоваться довольно простой локально-мифологической «формулой», утверждая, что место плюс (мифологическое) событие есть со-бытие места. Здесь могут быть введены условные когнитивные поправки на мифологичность или легендарность самого события, не подтверждаемого строгими историческими фактами (или, наоборот, хорошо подтверждаемого), однако не эти поправки определяют, по сути, действительность локальных мифов.

Локальный миф, с нашей точки зрения, представляет собой «откровение» места или территории; он есть открытие места миру в его онтологической возможности, и в то же время (или в той же самой вечности) он позволяет утверждаться «своему» месту как Центру мира²⁰. Такое локально-мифологическое «центрирование» мест происходит постоянно, порождая при этом совершенно различные социокультурные, политические, экономические последствия и проекции, включая, несомненно, и хорошо известные историкам, филологам и географам «сниженные» краеведческие версии подобных «центрирований»²¹. Но, так или иначе, локальный миф означает своего рода двойное онтологическое послание, предполагающее «разрыв» казавшегося до того однородным, бесконечно протяженным и однообразным пространством, чьи «складки» или «края» загибаются одновременно и вовнутрь, и вовне — место открывается местному сообществу или какой-то его части как феноменологическая «возвышенность», как непреходящая внутренняя «достопримечательность», определяющая ядерные экзистенциальные смыслы; и место «отпечатывает» или «запечатывает» себя в мире, осознающем свою собственную онтологическую неполноту, пространственную фрагментарность в акте и актом подобного ментального «запечатывания». Нетрудно понять также, что этот мир, отмечаемый непрерывными и параллельными «отпечатками» бесчисленных мест, становится в своём непреходящем и постоянно отодвигаемом результате центром самого себя, центром любого транслокального сообщества, усваивающего и присваивающего очередной, может быть, поначалу чуждый локальный миф²². Итак, посредством онтологизации локальных мифов практически любое место или регион становятся источниками телеологической, по сути, образно-географической «иррадиации»; такая «иррадиация» ведёт к транслокализации, пространственному «рассеиванию» самих локальных мифов, способствующих ускоренной динамике и непредвиденным трансформациям географических образов региона²³.

19 Ср.: Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; Он же. Метафизика Севера. — Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; Рахматуллин Р. Две Москвы...

20 Об архаических и ранне-модерных основаниях сакрально-географического центрирования мира, сопровождаемого соответствующими локальными мифами, см.: Генон Р. Избранные сочинения: Царство количества и знаменья времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. — М.: «Беловодье», 2003. С. 32–39, 135–145; Он же. Символика креста. — М.: Прогресс-Традиция, 2004.

21 См. также многочисленные паранаучные исследования, тексты и книги, посвященные сакральным местам, уфологии и современным мифам различных регионов России; в качестве примера: Павлович И., Ратник О. Миражи над Жигулями (Современные мифы Поволжья: загадки, поиски, гипотезы). Самара: Изд-во «НТЦ», 2002; Гаврилов Л.Г., Чернобров В.А., Климов В.А. Подмосковье: Феномены, аномалии, чудеса. Путеводитель. — М.: Майор, 2008; в более широком контексте: Чернобров В.А. Энциклопедия загадочных мест мира. — М.: Вече, 2005.

22 Ср.: Замятин Д.Н. Пространство как образ и трансакция: к становлению геонимики // Общественные науки и современность. 2008. № 2. — С. 129–143.

23 Весьма характерно и очень интересно в данной связи современное развитие локальных мифологий на Урале, прежде всего в художественной литературе и эссеистике (здесь в начале XXI века были наиболее известны произведения Алексея Иванова и Ольги Славниковой); см. также: Литовская М.А. Проблема формирования региональной мифологии: проект П.П. Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист. — Пермь: Мобиле, 2006. — С. 188–197; Абашев В.В. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»:

Локальный миф, представленный как онтологическое «откровение места», становится тем самым ахроничным и гетеротопичным²⁴. В когнитивно-историческом плане подобный миф может фактически бесконечно распространяться как «вглубь» исторического времени, так и за его пределы, что означает не только всемерное проникновение в условное историческое будущее территории, но и выход в широкое метагеографическое пространство, онтология которого предполагает и полагает «перетекание», замещение, преобразование одного места другим как необходимое условие метагеографической экспансии. Иными словами, локальный миф становится средством представить всякое место как Другое; в то же время (если можно говорить о времени локального мифа) любой локальный миф не может существовать, развиваться, функционировать без альтернативных для этого конкретного места других локальных мифов, «обрамляющих» территорию как поле противоречивых, расходящихся и несовпадающих — содержательно и хронологически — нарративов.

Образно-географическое содержание паломничества

Образно-географическое содержание паломничества возникает, формируется в неразрывной связи с самими целями паломничества, будь то индивидуальное решение об искуплении грехов, простое желание увидеть святыню и помолиться в сакральном месте, или же форма наказания для преступника, осуждённого автохтонным социальным сообществом не только в контексте профанных обстоятельств совершённого преступления, но и в плане религиозной кары и религиозного наказания²⁵. Но, опять-таки расширяя понятие и образ паломничества, можно говорить о том, что паломничество само по себе предполагает некое условное «лечение пространством» — лечение в первую очередь, конечно, «души», однако, и человека в целом — в его нерасторжимом уникальном душевно-телесном единстве. В такой феноменологической ситуации проходимое и переживаемое паломником пространство становится тотально религиозным, тотально сакральным, при этом «сплошность», тотальность подобной сакральности проявляется посредством аффектации пространства паломничества²⁶, порождением и

геопозитика как основа геополитики // Там же. С. 197–208; Куличкина Г.В. Пермь как миф и факт: по страницам мемуарной прозы М. Осоргина // Там же. С. 113–125; Литовская М.А. Литературная борьба за определение статуса территории: Ольга Славникова – Алексей Иванов // Литература Урала: история и современность. Вып. 2. — Екатеринбург: УрО РАН; Изд. Дом «Союз писателей» 2006. С. 66–76; Подлесных А.С. Кама в художественном пространстве романа А. Иванова «Чердынь — княгиня гор» // Там же. С. 76–81; Соболева Е.Г. Формирование мифа «Екатеринбург — третья столица» в текстах СМИ // Там же. С. 95–103; Николаева Н.Г. «Земля Обетованная» — мифопоэтический образ Оренбургской губернии в «семейной хронике» С.Т. Аксакова // Там же. — С. 236–244; Митрофанова Л.М. Башкирский образ мира в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность. Вып. 3. Том 2. — Екатеринбург: УрО РАН; Изд. Дом «Союз писателей» 2007. — С. 217–227; Абашев В.В. Урал в романе «Доктор Живаго», или Где находится Юртин? // Там же. С. 242–250 и др.

24 О гетеротопиях см.: Фуко М. Другие пространства // Он же. Интеллектуалы и власть. Часть 3. Статьи и интервью. 1970–1984. — М.: Праксис, 2006. — С. 191–205; Филиппов А.Ф. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). — С. 48–63; Вахштайн В.С. Темпоральные механизмы социальной организации пространства. Анализ резидентальной дифференциации // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2; Замятин Д.Н. Гетеротопия. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5. — М.: Институт наследия (в печати).

25 См., например: Корандей Ф.С. Паломничества в раннесредневековой ирландской традиции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Тюмень: ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет», 2005.

26 Ср.: Подорога В. А. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии. — М.: Ad Marginem, 1995.

КАФЕДРА

развитием аффективных по сути географических образов, чья экзистенция, способность поддерживать и увеличивать жизненную энергию паломника передается с помощью резких ментальных «вспышек», яркого в психологическом плане членения пути на отдельные отрезки, роли которых в жизненной траектории паломника существенно различаются²⁷.

Возвращаясь к проблематике знаковых мест в контексте феномена паломничества, стоит сразу же заметить, что сама знаковость этих мест, чей сакральный статус может либо просто подтверждаться в момент прибытия в него, либо постепенно наращиваться, приобретаться в процессе душевно-телесной аффектации паломника, прибывшего в дотоле неизвестное или мало известное ему место, — становится образно-географическим признаком практически необратимых трансформаций экзистенциального пространства паломника/паломников, формирующегося и развивающегося во многом чисто телеологически. Иными словами, структура знакового места в паломничестве, будь то место известного сакрального события, место какого-либо известного сакрального/религиозного сооружения, (церковь, собор, храм, монастырь, часовня) включая в широком смысле также культовые места, наконец, место, принимающее и раскрывающее, развёртывающее потенциальные экзистенциально-географические образы, присутствующие на уровнях сознания, подсознания и бессознательного стремящегося к конечной цели паломника — эта структура, так или иначе, ориентирована на выявление сокровенных смыслов будущего, являемых или являющихся паломнику в виде конкретных ландшафтных образов и символов²⁸. Именно поэтому любое знаковое место паломника и в паломничестве как феномене может рассматриваться как некий выход, условная дверь из традиционного географического пространства, своего рода внешней, формальной «арены» в пространство «внутреннее», которое в то же время представляется, фиксируется в паломническом сознании несравнимо более «широким», более многомерным в образно-символическом отношении, нежели профанные, вполне светские проекции того же географического пространства.

Паломничество и экзистенциальные пространства

Удача всякого паломничества может быть связана, как это ни странно, с наличием жизнеспособного, экзистенциально-профанного пространства. Начиная свой путь, паломник выходит из профанного места, он уносит «с собой» профанное пространство, имеющее для него экзистенциальный смысл. Иными словами, существование и развитие сакрального и экзистенциального пространства паломничества не возможно без начального «отталкивания» от обычных личностных географических образов, становящихся — если это, опять-таки, удаётся паломнику в ходе его путешествия — основой для разворачивания «широких» экзистенциально-географических образов, как бы подключающих путешественника к Небу, к другим пространствам, в которых его жизненные смыслы могут обрести новые метафизические контексты и коннотации.

Паломничество как таковое в экзистенциально-пространственном срезе предстаёт попыткой перехода во внутренние пространства, в качестве когнитивного фундамента которой выступают внешне вполне прозаичные географические места и территории. И здесь ключе-

27 Ср.: Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. — М.: Гнозис, 1994, особенно с. 81–84.

28 См.: Бубнова А. Самоорганизация традиционного этнокультурного ландшафта Среднего Поволжья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. — М.: Институт географии РАН, 2007.

вой проблемой феномена паломничества является характер соединения, характер перехода, или переключения обычных, «допаломнических» образов проходимых в путешествии мест во внутренние пространства самого паломника, где эти места становятся «другими», приобретая конкретные экзистенциально-географические координаты. Неудача такого перехода тоже может быть экзистенциальной, однако одновременно это может означать и крах всех экзистенциальных смыслов личностного существования, и «сворачивание» собственно профанного пространства обыденной жизни, также теряющего всякий смысл.

С образно-географической точки зрения феномен паломничества замечателен возможностью увидеть, почувствовать и оценить символическую значимость и непреходящую личностную ценность экзистенциальных пространств, радикально изменяющих и трансформирующих любые изначальные географические образы. При этом важно понять, что определённые экзистенциальные пространства являются попросту метагеографическим «бумерангом», возвращающим человеку в новом — иногда в радостном, а иногда и в трагическом — обличье его собственный пространственный опыт, никуда не исчезающий, но постоянно оформляющий бытие человека на земле — ибо всякое земное бытие есть бытие-на-земле и бытие-землём. Роль и значение экзистенциальных пространств состоит в периодическом возвращении человеку его собственной земли, путём «расширения» его пространственного опыта, дистанцирующегося от непосредственной пространственно-временной последовательности обыденных ландшафтов и вовлекающего человека и его географические образы в экзистенциальное «общение» с Небом (мыслимым как пространство вне всякой возможной экзистенции, однако являющимся условием существования и развития любого экзистенциального пространства).

Путешествия: реальность и образ. Вместо заключения

Путешествия могут радикально менять картины мирового развития. Устойчивые географические пред-образы региона/страны (до путешествия) недостаточны для новой образной информации, воспринимаемой и получаемой во время путешествия. Многочисленные и фрагментарные новые географические образы как бы налезают друг на друга, «громоздятся», формируя последовательно новые образно-географические поля. Обычные стереотипы (о стране, народе, его обычаях и традициях, политическом и экономическом развитии) рушатся. Возникает своего рода «анфилада» проходных комнат со сквозной перспективой, не возможной до путешествия. Контрастность картины мирового развития резко увеличивается. Путешествие — это ряд образно-географических «точечных вспышек», приводящих к развалу попыток постоянно продуцировать новые единые картины мира.

В географических образах путешествий связываются путь и шествие — путь становится более торжественным, он освящается, сакрализуется. Происходит возвышение самих образов, они воспринимаются как метафизические и метагеографические. Пространство в процессе его сакрализации максимально уплотняется. Путь превращается постепенно в шествие, происходит замедление и фиксация отдельных движений. Образы смотрят как бы сами на себя, саморефлексия путешественника обретает плоть и кровь. Наконец, возможна остановка, и далее — рождение нового места, плацдарма для последующего нового путешествия. Так географические образы путешествий включаются в процедуры топообразности и геотопики, прорисовки все новых и новых карт географических образов.

Путешествия — идеальный случай, когда реальность сразу может репрезентироваться и интерпретироваться как образ. Путешественник движется в своего рода «диком простран-

КАФЕДРА

стве», wild space; «обнаженное» восприятие путешественника вынуждено сразу проводить ак-
культурацию преодолеваемого географического пространства.